

В.А. Тряпицын

СУДЬБА ЭНТОМОЛОГА

(воспоминания о Евгении Михайловне Степанове)

Владимир Александрович Тряпицын

Судьба энтомолога.

Воспоминания о Евгении Михайловиче Степанове

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34582127

Судьба энтомолога. Воспоминания о Евгении Михайловиче Степанове:

Товарищество научных изданий КМК; Москва; 2010

ISBN 978-5-87317-655-7

Аннотация

Книга посвящена жизни и деятельности известного энтомолога Евгения Михайловича Степанова – основателя и директора лабораторий по биоконтролю на Черноморском побережье Кавказа (в Сухуми и Батуми), систематика жуков-щелкунов, натуралиста и вдохновителя данных работ во Всероссийском НИИ биологической защиты растений в Краснодаре. На Кавказе он провел несколько важных работ по интродукции и акклиматизации полезных насекомых для подавления вредителей сельскохозяйственных культур, в особенности цитрусовых. Е.М. Степанов был одним из энциклопедически образованных людей своего времени, талантливым художником и знатоком китайской письменности. Книга написана его учеником, известным энтомологом В.А.

Тряпицыным. Для историков науки, энтомологов, специалистов по защите и карантину растений.

Содержание

Введение	6
Предисловие	11
Судьба энтомолога	17
Конец ознакомительного фрагмента.	27

В. А. Тряпицын
Судьба энтомолога.
Воспоминания о Евгении
Михайловиче Степанове

© Товарищество научных изданий КМК

* * *

Введение

В жизни каждого человека непременно было что-то особенное, происшедшее единственно с ним и ни с кем более. Это могло быть падение в стог сена при крушении самолета, встреча с медведем во время сбора малины в лесу, увиденная мгновенная гибель векового вяза, сломленного словно спичка пронесшимся смерчем, отгаданный номер лотерейного билета, да мало ли что еще. Такое событие остается в памяти на всю жизнь и часто позволяет ощущать свою исключительность. О нем хочется со всеми поделиться, всем рассказать.

Бывает же так, что событием становится вся жизнь, при этом состоя, в общем-то, из обычных явлений, поступков, особенно не выдающихся дел. Но сцепленные в одну непрерывную последовательность такие дела и поступки создают впечатление исключительности и выделяют данного человека из множества других рядом с ним живущих. И это ощущают окружающие его.

Такая личность притягивает к себе словно магнитом, с таким человеком стремишься сблизиться, полагаешь за честь каждую встречу, беседу с ним. А если судьба распорядится так, что общение с ним становится продолжительным и в результате оказывает влияние на всю твою жизнь – ты с полным правом можешь назвать его своим Учителем. И благо-

даришь за это судьбу.

Таким Учителем для Владимира Александровича Тряпицына стал Евгений Михайлович Степанов, воспоминанию о котором и посвящена данная книжка.

Сам В.А.Тряпицын, будучи студентом Московской сельскохозяйственной Академии им. К.А.Тимирязева, проходил в 1951 году у Е.М. Степанова в Батуми преддипломную практику, а в дальнейшем многие годы с ним сотрудничал. Е.М.Степанов своим проницательным взглядом разгадал у своего ученика редкую склонность, возможно врожденную, к занятиям систематикой насекомых. Владимир Александровичем, вдохновленный и поддержанный Степановым на первых наиболее трудных этапах этого поприща, стал впоследствии известным во всем мире знатоком обширной группы паразитических насекомых – энциртид, широко применяемых в биологическом контроле вредителей растений.

В течение 48 лет он проработал в Зоологическом институте Академии наук СССР (ныне ЗИН РАН), стал доктором биологических наук, профессором, главным научным сотрудником; избран действительным членом Академии наук Мексики.

Е.М.Степанов был энтомологом, представителем профессии, не давшей миру имен, сохраняющихся в памяти человечества столетия, наподобие имен полководцев, философов, архитекторов, живописцев, поэтов. При описании нау-

ки энтомологии и ее деятелей обычно пользуются трюизмами. Принято считать, что энтомология – самая мирная профессия, а энтомологи – безобидные чудаки. С первым, пожалуй, можно согласиться, со вторым – нет. Среди энтомологов было немало выдающихся личностей с сильными характерами, обладавших энциклопедическими знаниями, обогативших науку блестящими открытиями, оказавших заметное влияние на экономику своей страны, благосостояние ее жителей. Эффективная борьба с саранчой, спасение пастбищ Австралии и пшеничных посевов Северной Америки, сохранение урожая от самых разнообразных вредных насекомых, победа над малярией – это лишь малая толика заслуг энтомологов. И не их беда, что их известность уступает известности какой-нибудь заурядной эстрадной певицы.

Как в любой области деятельности, в энтомологии есть публичные люди, которые, что называется, на виду: признаны обществом, имеют награды и звания, авторы многих книг, популярны среди студентов. А есть скромные труженики, которые знают себе цену, но и довольствуются этим «самосознанием», не тратя время на то, чтобы заработать дешую популярность, приобрести формальные знаки отличия. Евгений Михайлович относился к людям этой второй категории: он много работал, много сделал в своей области знаний, хотя мало писал, оставив после себя четыре книги и несколько статей в научных журналах.

Основная заслуга Евгения Михайловича Степанова, глав-

ный итог его деятельности – создание в Аджарии, на окраине Батуми, Лаборатории по биологической защите растений. Грузбиолоборатория, под таким названием она впоследствии приобрела известность, на многие годы стала притягательным центром для энтомологов нескольких поколений. Здесь закладывались основы для многих исследований, которые затем были продолжены в разных регионах СССР.

В своих воспоминаниях Владимир Александрович подробно описывает становление этой Лаборатории, ее расцвет, основные направления деятельности ее сотрудников и гостей, постоянно посещавших это замечательное место.

А специалистов, которые стремились побывать в Грузбиолоборатории, познакомиться с ведущимися в ней работами, было действительно множество. Евгений Михайлович Степанов являлся как бы ядром кристаллизации, вокруг которого роились и собирались энтомологи разных поколений. Это позволяло считать Грузбиолобораторию одним из центров отечественной прикладной энтомологии. Таким центром она оставалась еще долго после того как Евгений Михайлович покинул ее. Энтомологи Грузии, России, Украины, Молдавии многие годы изучали здесь энтомофауну субтропиков, проводили успешные работы по акклиматизации и расселению полезных насекомых и энтомопатогенных грибов, интродуцируемых из самых отдаленных уголков мира. Здесь молодые студенты и аспиранты приобретали знания и бесценный опыт общения с природой. Из «юных натурали-

стов» многие из них в последующем превратились в маститых ученых-энтомологов, известных специалистов по биологической защите и карантину растений.

Результаты работ, проводившихся без перерывов многие годы, легли в основу систем защиты растений по всему субтропическому побережью Аджарии, Абхазии, Краснодарского края. Многие из интродуцированных сюда полезных насекомых и энтомопатогенных грибов акклиматизировались и успешно контролируют численность случайно проникших в эту зону чужеземных вредителей растений. Некоторые из них широко используются ныне при защите тепличных и оранжерейных растений.

Все энтомологи, работавшие здесь в разные годы, с благодарностью вспоминают гостеприимство Е.М.Степанова, последующих руководителей Грузбиолоборатории и ее сотрудников. Традиции творчества и научного сотрудничества, заложенные Евгением Михайловичем Степановым, всегда воспринимались нами как лучший памятник этому незаурядному Человеку.

С. С. Ижевский

Предисловие

Память о людях исчезает очень быстро. Моя мать говорила мне в 1938 году, что душа человека живет до тех пор, пока люди его помнят. Как только не остается на свете ни одного человека, который бы покойного помнил, душа его умирает навсегда. Таково представление, идущее из глубокой древности и дошедшее до наших дней.

Как-то в г. Мельник в Чехии, я посетил знаменитую «Костницу» – подземелье, где аккуратно сложены тысячи человеческих черепов. Это были черепа воинов, павших в од-

ной из средневековых битв. Кто назовет сейчас имя хотя бы одного из этих людей, тогда таких здоровых и полных ярости в пылу битвы? Наверное, никто. Назвать могут только тех людей, которые совершили какой-то значительный поступок (Илья Муромец, Герострат), о которых где-то что-то в каких-то книгах или документах написано, имена которых сохранились в архивных списках, высечены на камнях, колоннах и надгробиях, и, наконец, тех людей, которые сами писали и оставили человечеству свои книги. Но ничто не может заменить свидетельств лиц, знавших того или иного человека.

Память о Евгении Михайловиче Степанове (Е.М.) меркнет на глазах. Из его сверстников никого уже нет в живых. В Краснодаре живут его дочь и внучка. Его помнят ученики. Вспоминают Е. М. некоторые относительно «молодые» энтомологи, заставшие его живым в последний, Краснодарский период его деятельности.

Е.М. был колеоптерологом (специалистом по жукам), блестящим знатоком щелкунов (*Elateridae*). Но опубликовал он по щелкунам мало работ. Поэтому молодые колеоптерологи его имени практически не слышали.

Хочется верить, что Е.М. еще помнят в Грузии, где он основал две прекрасные лаборатории по биометоду. Но вот в одной из них, в Грузинской лаборатории по биологическому методу борьбы с вредителями сельскохозяйственных культур (далее – Грузбиолаборатория), в Батуми, уже не нашлось

места для его портрета.

Е.М. Степанов с дочерью Натальей Евгеньевной

Печатное научное наследие Е. М. невелико: несколько статей на немецком языке в 1930-х гг. по систематике шелкоунов с описанием новых видов в чешском журнале “Nachrichtenblatt Troppau”; книга о биометодe в Абхазии (1935) [ныне большая библиографическая редкость (в 1952 году она имелась в Библиотеке им. Ленина в Москве)], две книги о вредителях субтропических растений и несколько

статей (в частности, статья о паразитах чайной моли в Аджарии и статья об инвазиях насекомых на Черноморское побережье Кавказа).

Нелюбовью публиковать результаты своей работы он напоминал некоторых других видных энтомологов, например, Михаила Алексеевича Рябова, Льва Владимировича Арнольди, Константина Владимировича Арнольди и Анатолия Николаевича Желоховцева. Но причины «непубликации» во всех этих случаях были разные, и я скажу о них в свое время и в своем месте.

Мой другой учитель Борис Иванович Рукавишников весьма иронически относился к «дару» Е. М. почти ничего не публиковать и презрительно называл это «работой под себя», объясняя такое поведение «хорошей русской ленью».

Но это не так! Научное и практическое наследие Е.М. зафиксировано в объемистых и хорошо иллюстрированных ежегодных отчетах Сухумской и Батумской лабораторий по биометоду. Евгений Михайлович писал их сам красивым и несколько архаичным языком, зимой, грея руки у огонька в холодном сыром помещении (на работе или дома) [Полная серия этих отчетов хранится, вероятно, во Всероссийском Институте карантина растений (пос. Быково, Московской области). Материалы из них частично были использованы С.С.Ижевским при написании его книги «Интродукция и применение энтомофагов», 1990].

Начиная свой очерк о жизни Е.М., я опираюсь при этом

на свои личные впечатления (я лично знал Е.М. в течение 25 лет), на его рассказы, а также на свидетельства других людей. «Личное дело» Е.М. (т. е. официальные послужные документы, подшитые в неуклюжую канцелярскую картонную папку как это было положено в учреждениях нашей страны), хранится, вероятно, в архиве бывшего Краснодарского филиала Всесоюзного НИИ Фитопатологии (ныне Всероссийский НИИ биологической защиты растений). А личные бумаги – у Наталии Евгеньевны Степановой – его дочери, проживающей в Краснодаре.

Я приношу благодарность редактору моих «Воспоминаний», около 30 лет заведовавшему Отделом биометода Всесоюзного НИИ карантина растений, доктору биологических наук Сергею Сергеевичу Ижевскому. Он сам проработал несколько сезонов в Грузбиолаборатории, организовывал и принимал участие в интродукции целого ряда полезных насекомых.

Наталии Евгеньевне Степановой, дочери героя этой книги я благодарен за ценные сведения об ее отце и присылку его рисунков и семейных фотографий. Доктору биологических наук, профессору Евгению Семеновичу Сугоняеву главному научному сотруднику Зоологического Института Российской Академии Наук (Санкт-Петербург) и моей жене Елизавете Яковлевне Шувахиной за помощь, участие и ценные советы. Выражаю признательность Кириллу Глебовичу Ми-

хайлову и Аскару Камбаровичу Ахатову благодаря которым стала возможной публикация моих «Воспоминаний».

Мой очерк не претендует на детальное освещение биографии Евгения Михайловича Степанова. Это скорее эссе, основанное на личных воспоминаниях, попытка восстановить образ очень талантливого человека с непростым, противоречивым характером и сложной судьбой.

Судьба энтомолога

Евгений Михайлович Степанов родился в городе Екатеринодаре (ныне Краснодаре) 12 апреля 1902 г. (по старому стилю) в семье обедневших потомственных дворян [см. Степанова Н.Е., Сугоняев Е.С. Жизнь и деятельность Евгения Михайловича Степанова. В кн.: Биологическая защита растений – основа стабилизации агроэкосистем. Краснодар, ВНИИБЗР РАСХН, 2004. С. 3–8.]

Отца своего Е.М. в разговоре со мной называл «молчуном», «человеком, всю жизнь промолчавшим», «суровым». Я вспоминаю на Чаквинском пляже в 1950 г. худого и изможденного Е.М. и крепкого Бориса Ивановича Рукавишникова. «Вот скажите, Володя, – спросил меня Борис Иванович – кто из нас старше?» Я посмотрел на обоих моих учителей – настоящего и будущего и ответил без колебаний: «Мне кажется, что старше Евгений Михайлович...». «Нет, сказал Борис Иванович – он на несколько лет моложе меня!». «Жизнь непростая...» – смущенно произнес Евгений Михайлович.

Е.М. учился до революции в очень хорошем Екатеринодарском коммерческом училище. Как-то в Батуми он сказал мне: «Вы знаете, Володя, раньше, до Революции учили хорошо. Напрасно сейчас пишут, что в царские времена школа была отсталой. Вы даже представить себе не можете, какие у нас были прекрасные учебные кабинеты: физический,

химический, минералогический, ботанический, зоологический! А какие преподаватели у нас были! И учили детей писать грамотно, вырабатывали у учеников хороший литературный стиль – не то, что в нынешние времена. Сейчас никто элементарно грамотно писать не умеет». Я ответил Е.М., что нечто подобное говорил мне мой дед.

Михаил Дмитриевич Степанов – отец Е.М. Степанова

Мария Павловна (в девичестве Крауш) – мать Е.М. Степанова

Е.М. рассказывал мне, что уже в школьные годы увлекся изучением природы и начал собирать и определять лишайники. У него была большая коллекция лишайников, и он их хорошо знал.

В юности Е.М. познакомился с братьями Кириченко (Александром Николаевичем и Алексеем Николаевичем) и

со своими ровесниками братьями Арнольди (Константином Владимировичем и Львом Владимировичем). Я лично знал их всех, кроме Алексея Николаевича Кириченко, который скончался еще до того, как я стал энтомологом. Братья Кириченко были много старше Е.М. Они родились и выросли в Керчи.

Александр Николаевич был великим гемиптерологом (специалистом по клопам), его брат – кокцидологом и деятелем в области карантина растений. Константин Владимирович Арнольди был мирмекологом (специалистом по муравьям), а Лев Владимирович – гидробиологом и колеоптерологом. Е.М. говорил об этих выдающихся энтомологах с глубочайшим уважением.

С особым пиететом Е.М. рассказывал об Александре Николаевиче Кириченко, но не как о гемиптерологе, а как о хранителе коллекций и библиотекаре Русского (Всесоюзного) энтомологического общества.

Об Алексее Николаевиче Кириченко он говорил, что это был высокопринципиальный человек; работая в 30-х годах в Одессе, в Селекционно-Генетическом институте в должности заведующего отделом защиты растений, он покинул этот Институт в тот же день, когда его директором стал Т.Д. Лысенко. И перешел в Одесскую инспекцию по карантину растений, откуда часто наезжал в Москву, в Управление по карантину растений, где щедро помогал коллегам: составлял и корректировал планы, редактировал инструкции, определял

вредителей и т. д.

О Константине Владимировиче Арнольди Е.М. сказал тогда вот что: «Какой красавец был в молодости! А что с ним стало? Сейчас немного красивей черта!»

В Екатеринодаре во время Гражданской войны Е.М. пережил множество драматических событий. «Я видел, – говорил он, – как тело генерала Корнилова тащили по мостовой на веревке». [В те дни Красная армия пыталась взять Екатеринодар. Генерал Корнилов был убит 31 марта 1918 г. на своем командном пункте снарядом во время осады города. Белые с величайшими почестями похоронили его близ станции Елизаветинской, в немецкой колонии Гначбау. Он был оплакан населением (по меньшей мере, частью его, какой – можно догадаться). Красные, захватив город, нашли могилу ненавистного им генерала, вырыли тело из могилы, привезли его в Екатеринодар, проволокли по городу и повесили]. (*Подробнее – см. в воспоминаниях ген. Деникина «Очерки русской смуты» (журнал «Октябрь», № 11. 1991 г.)*).

Е.М. начал определять жуков по переводному определителю Шлехтендаля и Вюнша и только позднее приобрел хорошую книгу Кунта (на немецком языке). Этот последний определитель Е.М. очень любил. Он с гордостью показал мне эту книгу, где почти каждый признак был иллюстрирован на широких полях страниц. «Вот так надо было бы сделать определитель хальцид!» – сказал мне однажды Е.М.

В 20-е годы Е.М. учился в Институте прикладной зооло-

гии и фитопатологии (ИЗИФ) в Ленинграде. Он боготворил это учебное заведение и его основателя профессора Николая Николаевича Богданова-Катькова. Они были дружны еще с Екатеринодарских времен. Е.М. часто рассказывал мне о феноменальной работоспособности этого замечательного человека, очень сожалел о его раннем параличе и ни разу не намекнул о похождениях любвеобильного знаменитого профессора, о которых в студенческой среде тогда ходили легенды.

В те времена, когда Е.М. учился в ИЗИФ'е, в этом институте выросла плеяда блестящих энтомологов, ставших впоследствии знаменитостями. Из них стоит упомянуть (а всех их не перечислишь) Николая Абрамовича Теленгу Игоря Васильевича Кожанчикова, Бориса Ивановича Рукавишникова, Владимира Вениаминовича Попова, Всеволода Владимировича Гусаковского, Леонида Сергеевича Зими́на, Всеволода Ивановича Волгина (учившегося там несколько позднее). Это была хорошая энтомологическая компания.

Е.М. ближе всего дружил с В.В. Гусаковским и Л.С. Зиминым, очень хорошо относился к Н.А. Теленге и уважал И.В. Кожанчикова. Но активно не любил В.В. Попова. Вероятно, эта нелюбовь к Попову пришла позднее, когда тот после войны не принял Е.М. на работу в Зоологический институт АН СССР. Но возможно, Попов держался в ИЗИФ'е несколько особняком, т. к. ему претила несколько «богемная» среда, каковой он считал компанию Гусаковского, Зими́на и при-

мыкавшего к ней Е.М. К этой компании относилась также крупная решительная женщина Евгения Кузнецова – жена цикадиста Виктора Кузнецова. Это были очень живые люди: Леонид Сергеевич Зимин был отличным танцором и не упускал случая поволочиться за дамами; Всеволод Владимирович Гуссаковский писал отличные стихи и едкие эпиграммы, он был безнадежно влюблен в Кузнецову, тоже одаренную некоторыми художественными талантами (она пела и играла на гитаре).

Жили тогда трудно, и Е.М., как и многим другим, приходилось подрабатывать на разгрузке вагонов или пароходов в порту; возможно, ему пришлось поработать и корректором. Но вот о чем я доподлинно знаю, так это то, что он заведовал одно время наблюдательным пунктом по вредителям и болезням. Этот пункт находился к югу от Ленинграда. И лаборантом его был в то время будущий знаменитый энтомолог Александр Сергеевич Данилевский. [Узнал я об этом в 1953 г., когда был в Батуми уже в роли аспиранта Зоологического института Академии наук СССР. Тогда Грузбиолабораторию посетила небольшая группа студентов Ленинградского университета, отличающихся, как известно, изрядным снобизмом. Среди них была одна хорошенькая, бойкая, но бесцеремонная студентка. Е.М. спросил ее, под чьим руководством она выполняет дипломную работу. «Я выполняю работу под руководством Александра Сергеевича Данилевского, Вы, конечно, не знаете такого». «Столичная»

барышня, увидев скромного директора скромной лаборатории, решила удивить его, произнеся фамилию Данилевского. Но Е.М. не вспыхнул, он скромно ответил: «Нет, я знаю его, он работал у меня лаборантом в 1928 г.»].

Студенты ИЗИФ'а часто засиживались вечерами в лабораториях института, занимались определением насекомых. Многие из них, в том числе и Е.М., начали работать и в коллекционных фондах Музея Зоологического института АН СССР. Тогда в этом институте было все не так, как сейчас, когда он переполнен людьми, сидящими, стоящими и бегущими повсюду. В институте было малоллюдно и тихо: здесь существовала система: один кабинет – один ученый специалист – один лаборант (до Революции 1917 г. лаборантов называли лабораторными служителями, это были исключительно мужчины, после Революции в лаборанты пошли преимущественно женщины).

Состав энтомологического отдела Института был следующий: в отделении жуков работали Георгий Георгиевич Якобсон и Андрей Петрович Семенов-Тянь-Шанский; в отделении чешуекрылых – Николай Яковлевич Кузнецов; в отделении прямокрылых – Елена Федоровна Мирам; в отделении двукрылых – Александр Александрович Штакельберг; в отделении перепончатокрылых – Александр Степанович Скориков; в отделении тлей – Александр Константинович Мордвилко; в отделении полужесткокрылых – Александр Николаевич Кириченко. Ученых степеней кандидата и доктора наук

тогда не было; эти звания были присуждены ведущим специалистам Зоологического института «honoris causa» (без защиты диссертации) в 1936 г. Но профессора были, например, Николай Яковлевич Кузнецов.

Е.М. начал посещать отделение жесткокрылых (жуков) Зоологического института и был представлен А.П. Семенову-Тян-Шанскому и Г.Г. Якобсону. Он был хорошо принят ими. Они часто беседовали с Е.М., а он благоговел перед ними до конца своей жизни и очень любил о них рассказывать. Книгу Г. Г. Якобсона «Жуки России и Западной Европы» Е.М. считал одним из шедевров мировой энтомологической литературы.

Во время пребывания в Ленинграде в 1920-1930-х гг. Е.М. сделал ряд хороших работ по систематике жуков-щелкунов, которые опубликовал преимущественно в Чехословакии.

В 1929 г. по мобилизации он работал в Туркмении инспектором в отряде по борьбе с пустынной саранчой *Schistocerca gregaria*.

Первой женой Е.М. была Александра Тимофеевна Кирьякова. Мне неизвестно, где она тогда училась или работала, но в 1952 г. я застал ее работающей в Зоологическом институте. Это была уже «пожилая» (на мой взгляд) женщина, с несколько аскетическим волевым лицом. Вероятно, у нее был сильный характер. Она была очень хорошей пианисткой и иногда играла на вечерах в институте, которые то-

гда были традицией повсюду. Ко мне Александра Тимофеевна относилась очень хорошо и даже однажды познакомила со своей дочерью. Вероятно, кто-то ей сказал, что я ученик Е.М., но она никогда даже не намекнула на то, что знала об этом. Вообще, она была очень сдержанна. Лишь лет через 15 после моего поступления в Зоологический институт кто-то сказал мне, что она была женой Е.М. Тогда я вспомнил, что в 1958 г. моя жена, Елизавета Яковлевна Шувакина, говорила мне, что Е.М. сказал ей как-то, что в свой ленинградский период жизни он очень много слышал хорошей музыки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.